

© 2020. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Взволнованные улитки».

Радикализм и аполитизм в романе И. С. Тургенева «Дым»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

Статья посвящена уяснению проблематики и жанрового своеобразия романа И. С. Тургенева «Дым», выявлению за внешними столкновениями героев универсального противопоставления, особенно заметного на примере оппозиции «жизнь — мертвенность». Автор статьи доказывает, что важная общественно-политическая оценка героев не передает всего замысла писателя, представляющего теорию цивилизационного развития России. Одной из основных в общественном романе «Дым» является идея прогресса, которая рассматривается как на уровне споров западников и славянофилов, так и на уровне онтологических жизненных основ. В художественном мире романа отрицаемые позиции славянофилов сильно упрощены, а утверждаемые в целом западнические взгляды смягчаются и корректируются образными противопоставлениями. В статье демонстрируется связь идеи прогресса с семейной темой, ролью нового героя-деятеля пореформенного времени в судьбе России. Роман «Дым» рассматривается в контексте позднего творчества Тургенева, отмечаются его переклички с повестями «Призраки», «Довольно», его связь с последующим эпическим романом «Новь». Отдельное внимание уделяется конфликту созидającego героя и среды, великосветского общества, пути личности и ответственности человека за каждое свое действие. Рассмотрены характеры центральных героев романа, показано изменение замысла писателя, постепенно снижавшего образ Потугина, которого Тургенев наделил дорогими ему самому мыслями и убеждениями.

Ключевые слова: Тургенев, общественный прогресс, цивилизация, западники, славянофилы, динамика замысла, семейная тема, общественный роман, эпический роман, великосветское общество, новый герой.

Информация об авторе: Андреева Валерия Геннадьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления: 11.09.2020

Дата публикации: 08.12.2020

Для цитирования: Андреева В. Г. «Взволнованные улитки». Радикализм и аполитизм в романе И. С. Тургенева «Дым» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 228–249. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“Excited Snails”. Radicalism and apoliticalism in the novel “Smoke” by Ivan Turgenev

*The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00102*

The article is devoted to clarifying the problematics and genre originality of the novel “Smoke” by Ivan Turgenev, revealing the universal opposition behind the heroes’ external wars of words, particularly noticeable in the example of the opposition “life — deadness”. The author of the article argues that an important socio-political assessment of the heroes does not convey the entire intention of the writer, presenting the theory of the civilisational development of Russia. One of the main ideas in the civic novel “Smoke” is the idea of progress, which is considered both at the level of disputes between Westernisers and Slavophiles, and at the level of ontological life foundations. In the fictional world of the novel, the denied positions of the Slavophiles are greatly simplified, and the Westernisers’ views asserted in general are softened and corrected by figurative oppositions. The article demonstrates the connection between the idea of progress and the family theme, the role of the new hero-figure of the post-reform era in the fate of Russia. The novel “Smoke” is considered in the context of Ivan Turgenev’s late creative work, his intertextualities with the stories “Ghosts”, “Enough”, its connection with the subsequent epic novel “Virgin soil” are noted. Special attention is paid to the conflict between the creative hero and the environment, the high society, the path of the personality and the responsibility of a person for each of his actions. The characters of the central characters of the novel are considered, the change in the writer’s intention is shown, gradually reducing the image of Sozont Potugin, whom Ivan Turgenev endowed with thoughts and beliefs dear to him.

Keywords: Ivan Turgenev, social progress, civilisation, Westernisers, Slavophiles, dynamics of design, family theme, social novel, epic novel, high society, new hero.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia
E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: September 11, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Andreeva V. G. “Excited Snails”. Radicalism and apoliticalism in the novel “Smoke” by Ivan Turgenev // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 228–249. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249>

Большинство современных исследователей, учитывая опыт и обобщения ученых XX в., до сих пор сходятся во мнении о сложности и специфичности романа «Дым» И. С. Тургенева. Не будем еще раз оговариваться о том, что «Дым» фактически не был понят ни критикой, ни даже коллегами писателя и его друзьями. Мы упоминали ранее, что наши классики, в частности Толстой и Достоевский, не оценили новый роман Тургенева сразу после его выхода. Однако это не помешало Толстому творчески освоить открытия Тургенева, использовать далее элементы образа Ирины при создании портрета Анны Карениной [Андреева: 118–119], и более — при описании положения Карениной в имении Вронского «Воздвиженское».

А. А. Бельская справедливо отмечает, что сквозь конкретно-историческую и социально-политическую проблематику «Дыма» просвечивается универсальный план» [Бельская: 172]. Исследовательница рассматривает мифологические смыслы романа, демонстрирует, как писатель «универсализирует конкретные ситуации и возводит их к общечеловеческим коллизиям» [Бельская: 178]. А. А. Бельская цитирует статью О. Н. Осмоловского 1980-х гг., упоминая о том, что ученый отнес роман Тургенева к «новому типу» философско-символического романа, а также соглашается с В. Н. Топоровым, считающим при анализе «Дыма» наиболее приемлемыми мифопоэтический и философский подходы [Бельская: 172].

Действительно, символика и совокупность мотивов имеют огромное значение при осмыслении целостности художественного мира романа Тургенева, одним из ключевых, как уже не раз замечали тургеноведы, является в нем, в соответствии с самим заглавием произведения, образ дыма. И. А. Семухина пишет: «Характеризуя атмосферу пореформенного общества и внутреннее состояние героя, мотив дыма открыт связям с большинством составляющих мотивной структуры романа: с мотивами театральности (через мотивный вариант “мнимо-

сти”, “фальши”), с мотивами рулетки (посредством образов повторяемости, случайности, вращения), с мотивами хаоса (“смесь”, “спутанность”, “темнота”, “холод”, “пустота”, кружение) и т. д.» [Семухина: 31].

Прочный и основательный «мотивный комплекс», как называет И. А. Семухина совокупность мотивов, скрепляет на первый взгляд несколько удаленные сферы, плоскости в «Дыме», однако он может быть полностью понят читателем лишь при уяснении позиции Тургенева, осмыслении общей структуры романа, его жанрового своеобразия и роли каждого персонажа.

Для целостного видения романа «Дым» потребовалось, как мы можем сейчас видеть, немалое время. Политические идеи, отмечаемые современниками в высказываниях героев, сразу после выхода романа заслонили глубинные его смыслы, те онтологические начала, которые лежат в его основе. «Дым» необходимо рассматривать не только с учетом отражения и столкновения в художественном мире западной и славянофильской идеологий в их своеобразном преломлении. В романе Тургенев проверяет на прочность тип героя, претендовавшего в пореформенные 1860-е гг. на выведение России из кризиса, призванного скрупулезной и неспешной работой преодолеть огромный отрыв страны от Европы. Ю. В. Лебедев отмечает, что «надежды Тургенева на выход России из пореформенной смуты связываются не с Потогиным, а с Литвиновым»: «На долю Литвиновых падает почетная, хотя и скромная задача будничных практических дел. В конце 1860-х годов, по Тургеневу, на первый план и вышла такая задача терпеливого и скромного практического труда. Этот труд, разумеется, не имеет ничего общего с типичным буржуазным предпринимательством. <...> Литвиновы — практики переходной эпохи, деятели во имя грядущего возрождения, почву для которого они готовят исподволь скромным своим трудом» [Лебедев: 187–188].

В «Дыме» представлен своеобразный приговор автора великосветскому обществу: используя широко реализованную Н. В. Гоголем тему мертвенности и холодности его обитателей, не способных к искренним чувствам, Тургенев показывает людей, все ценности и устремления которых вращаются вокруг положения в обществе и материальных благ. Тургенев, демонстрируя распад дворянства на деятелей (которых меньшинство) и пассивных прожигателей жизни, включается в общий диалог современников о русском семействе. Он открывает тему распа-

да дворянских семей, превращения их в случайные семейства (позднее широко освещенную Ф. М. Достоевским) и пытается наметить перемены в характере русского героя.

Одной из ключевых основ для проверки персонажей становится в романе семейная тема. Однако ее воплощение в художественном мире как бы приглушено, точнее, не самодостаточно. Эта тема связана в произведении с идеей прогресса русского общества, и именно благодаря указанной контаминации она приобретает особую значимость, выводящую ее фактически на государственный уровень¹. Несмотря на высокие образцы европейской цивилизации, указанные в романе Потугиным, писатель приводит читателей к пониманию значимости духовной силы русского героя. Именно поэтому «Дым» должен быть осмыслен как общественный роман в широком понимании: масштабное отрицание, присутствующее в этом произведении, все-таки имеет утвердительный и вневременный противовес. А далее мы увидим, как в творчестве Тургенева уже более соизмеримые по объему линия отрицания (путь Нежданова) и линия утверждения (путь Соломина) будут воплощены и в романе «Новь».

Литературоведы давно сошлись во мнении, что последние два романа Тургенева — «Дым» и «Новь» — имеют иной характер и другие принципы организации, нежели предшествующие произведения писателя. Однако если В. М. Маркович [Маркович: 6], к примеру, просто констатировал наличие этих иных принципов организации, то Л. В. Пумпянский достаточно резко писал о распаде жанра тургеневского романа [Пумпянский: 464]. Конечно, исследователь не без основания указал на некоторое удаление пластов романа друг от друга, однако нельзя согласиться с Л. В. Пумпянским в отсутствии сплава четырех разделенных сфер романа. Ученый не осмыслил до конца и роли Литвинова как главного героя: «Централизующей роли Литвинов не играет, высказывания его незначительны (центральные высказывания принадлежат Потугину), так незначительны, что не с чем спорить, не с чем соглашаться...» [Пумпянский: 464]. Между тем, имен-

¹ Особая роль семейной темы вообще характерна для русской прозы XIX в., что отмечают и западные исследователи. Так, в новейшем труде по истории русской литературы издательства Оксфордского университета семейные сюжеты и конфликты поколений рассматриваются в контексте художественного разрешения вопроса национальной идентичности [Kahn, Lipovetsky et al.: 504–505].

но в «Дыме» Тургенев выбрал нового героя, который деятельностью должен противостоять колеблющимся основам русского мира, пустым словам, фразерству. В отличие от прежних героев Тургенева, Литвинов — не идеолог, но практик, деятель. Тот факт, что он запутывается, плохо справляется со своей ролью — это уже предмет отдельного рассмотрения. После того, как Литвинов ошибается, теряет голову, он возвращается к правильной жизни и духовно крепнет на родной земле. А в романе «Новь» дворянина Литвинова сменил уже другой персонаж, близкий к народу Соломин — выходец из священнической среды, освоивший в Манчестере все премудрости фабричного дела и смогший наладить его в России.

Ю. В. Лебедев точно отмечает, что «отступления от основного сюжета, значимые сами по себе, отнюдь не нейтральны по отношению к нему: они многое объясняют в любовной истории Литвинова и Ирины. В жизни, охваченной беспорядочным, хаотическим движением, трудно человеку быть последовательным, сохранить свою целостность, не потерять себя» [Лебедев: 182]. На самом деле, при внимательном рассмотрении романа линия Литвинова выступает основной, но при условии ее соотнесения со всей дорогой главного героя, а не только с историей страсти Литвинова и Ирины в Баден-Бадене. Более того, пикник генералов, кружок Губарева, пространные речи Потугина и их разговоры с Литвиновым не воспринимаются как отступления при правильно выбранном масштабе оценки художественного мира. Несмотря на обилие диалогов и споров в романе, на множество побочных конфликтов, придающих произведению драматический характер, глобально в художественном мире речь идет об эпическом противопоставлении жизни, деятельности и мертвенности, пассивности. Именно потому, что большинство героев душевно и духовно мертвы, ориентированы исключительно на соблюдение светских норм и приобретение все больших выгод и привилегий, в романе и появляется ощущение безысходности. Тургенев показывает, что все члены кружка Губарева и люди, близкие к этому кружку, почти всё светское общество Баден-Бадена, включая семьи военных, а среди них — чету генерала Ратмирова с женой, одинокие заплутавшие путники, подобные Потугину — все эти люди составляют образ мертвой части мира, а Литвинов и Татьяна являются героями жизни (хотя Литвинову с трудом удастся избавиться от наваждения).

Примечательна характеристика внутреннего состояния Литвинова в начале произведения: «Но оттого-то Литвинов так спокоен и прост, оттого он так самоуверенно глядит кругом, что жизнь его отчетливо ясно лежит пред ним, что судьба его определилась и что он гордится этою судьбой и радуется ей, как делу рук своих» [Тургенев. Соч. 7: 255]. Однако герой слишком самоуверен, он не оценивает опасности общества, с которым сталкивается в Баден-Бадене, для противостояния которому нужны огромные физические и духовные силы. Уже в третьей главе Литвинов интуитивно чувствует, что не стоит идти к Губареву, но примечательна его внутренняя речь: «Литвинов подумал: “Что же! проделаем и это, благо время есть”» [Тургенев. Соч. 7: 257]. Эта фраза, еще до высказывания Литвинова на собрании у Губарева о том, что у него нет никаких политических убеждений, открывает отсутствие в герое прочной идейной основы, которая была характерна для идеологов более ранних романов Тургенева.

В примечаниях к «Дыму» в седьмом томе Полного собрания сочинений Тургенева комментаторы анализируют один из автографов, в котором уже есть образ Потугина, и останавливаются на наброске писателя, посвященном этому герою:

«К Потугину:

Взволнованные улитки (улитка с намёчком)

Третьестепенная порода.

Буду! Буду!

Сплетня — главный характер нашего русского современного общества. Мертвая тишина *полудня* (в Англии, с Гарсией)» [Тургенев. Соч. 7: 514].

Далее эти записи автографа объясняются комментаторами: «Первые две записи этого автографа, очевидно, определяли общий характер будущего героя: некоторую его ущербность и замкнутость; третья и четвертая — были реализованы в речах Потугина; последняя: “Мертвая тишина полудня (в Англии, с Гарсией)” — не связана ни с одним из эпизодов окончательного текста романа, и смысл ее до сих пор остается непроясненным» [Тургенев. Соч. 7: 514].

По поводу первых двух фраз автографа добавим, что в романе «Дым» к «улиточным» свойствам медлительности и замкнутости присоединяется также понятие аполитичности, за которым стоит отстранение Тургенева от радикальной идеологии. В год создания «Вешних

вод» он писал Л. Пичу: «Что касается меня, то я живу точь-в-точь как улитка — и не хочу жить по-другому» [Тургенев. Письма 11: 365].

Относительно последней записи: действительно, в окончательном тексте романа нет эпизода, который бы напрямую соотносился с упоминаемой в автографе «мертвой тишиной полудня». Однако благодаря тому, что в кратком описании Потугина в планах автора появляется данный образ, мы можем говорить о том, что сам герой частично или полностью относится к разряду мертвых обитателей жизни. Потугин, по сути дела, является жертвой игры этого «мертвого общества», втягивающего его в свои круги. Скорее всего, Тургенев намеренно не подчеркнул в романе явную связь героя с мертвенностью: во-первых, читатель сострадает Потугину, вынужденному отдать свою жизнь и судьбу в руки эгоистки Ирины, во-вторых, Потугин выражает некоторые мысли автора, поэтому открытое и явное его причисление к «мертвому обществу» слишком бы упростило роман.

К оппозиции «живой — мертвый» в романе «Дым» обращается И. А. Семухина, которая отмечает, что «чем более оживляются для героя “мертвые куклы”, тем более чужим и безжизненным кажется ему прежний мир живых» [Семухина: 30]. Исследовательница констатирует подмену понятий Литвиновым (как только он оказывается по власти Ирины): «В результате прежнее “я” героя, все дорогое ему прежде — Таня, его начинания и надежды превращаются “в дым и прах”, в “мертвое прошлое”» [Семухина: 30].

Характеристика людей, собирающихся в гостиной у Ратмировых, вполне конкретна и однозначна. Пока внешне еще живые, но внутренне уже давно мертвые, бездушные посетители занимаются пересудами, сам хозяин ухаживает за гостьей, во внешнем облике которой уже проступает холодная пустота: «Была одна до того старая, что казалось, вот-вот сейчас разрушится: она поводила обнаженными, страшными, темно-серыми плечами и, прикрыв рот веером, томно косилась на Ратмирова уже совсем мертвыми глазами...» [Тургенев. Соч. 7: 333]. Общая характеристика собравшихся, данная повествователем, еще раз подчеркивает правильность отмеченной антитезы: «Ирине точно пришлось торжествовать: если б Литвинов обращал даже больше внимания на то, что говорилось вокруг него, он все-таки не вынес бы ни одного искреннего слова, ни одной дельной мысли, ни одного нового факта изо всей этой бессвязной и безжизненной болтовни. <...> И хотя

бы капля *живой струи* подо всем этим хламом и сором! Какое старье, какой ненужный вздор, какие плохие пустячки занимали все эти головы, эти души, и не в один только этот вечер занимали их они, не только в свете, но и дома, во все часы и дни, во всю ширину и глубину их существования!» (Курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 339].

Не случайно авторское пояснение о времени и широте: Тургенев подчеркивает окончательную и полную деградацию этих людей, невозможность их возрождения. В художественном мире романа «Дым» важно учитывать и ретроспективные связи и отсылки. Так, писатель прямо не оценивает посетителей Губарева столь однозначно: на первый взгляд, и сам Губарев, и собравшиеся у него гости все-таки более деятельны, в их душах есть еще некоторые живые силы. В. С. Фунтусова отмечает «эволюцию» героев кружка Губарева: «Всегда восторженный и перед всеми лебезящий Бамбаев в конце романа превращается в жалкого лакея братьев Губаревых; эмансипированная дама Матрена Суханчикова, странствуя из края в край, сочиняет и разносит всякие небылицы и, наконец, изгнанная «великим Губаревым», уезжает в Португалию с двумя членами собственной партии — матреновцами. Единственное полезное дело Суханчиковой — поддержка двух сирот — племянниц. Сам Степан Николаевич Губарев в финале романа сбрасывает с себя маску “народника” и становится ярым крепостником» [Фунтусова: 150]. Однако многозначительным все-таки оказывается уподобление мертвого общества у Ратмировых кружку Губарева: «Словом, поднялся почти такой же несуразный гвалт, как у Губарева; только разве вот что — пива не было да табачного дыма и одежда на всех была лучше» [Тургенев. Соч. 7: 337].

Итак, мы осознаем, что привязанные ко времени, к политической и общественной ситуации в России перипетии в романе «Дым» обнимаются глобальными и универсальными категориями. Борьба славянофильских и западных идей, как мы покажем ниже, становится второстепенной, преходящей, а на первый план ставится проблема искренности человека и его способности к полезной деятельности. В максимально ироничной и даже сатирической манере описывает Тургенев в финале романа жизнь Ирины и окружающих ее людей. Тишина дома Ирины воспринимается негативно: это тишина неделания, пустоты, мертвенная тишина: «Хозяйка дома, особа важная в петербургском мире, говорит чуть слышно; она всегда говорит так, как будто в комна-

те находится трудный, *почти умирающий больной...*» (курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 406].

В «Дыме» находит свое выражение и тургеневский пессимизм, которым пронизаны повести «Призраки» (1864) и «Довольно» (1865): во всех этих произведениях реализованы мотивы смерти, конца, равнодушия, предела земной красоты. Но в повести «Довольно» великие общественные понятия («Но разве нет великих представлений, великих утешительных слов: “Народность, право, свобода, человечество, искусство?”» [Тургенев. Соч. 7: 227]), за которые сражались и умирали люди, оказываются в одном ряду с самыми важными человеческими чувствами, также, по словам повествователя, преходящими: «...и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближения, безвозвратной преданности — даже оно теряет все свое обаяние...» [Тургенев. Соч. 7: 227]. В «Дыме» эти размышления творчески перерабатываются писателем, получают иное осмысление: как мы уже сказали, политические веяния отступают на второй план (хотя значимость их не отвергается, но постоянно подчеркивается), уходит и полный пессимизм. На первом месте в Литвинове, живущем в своем имении и с трудом возрождающемся к жизни, писатель отмечает дух, герой отдает себя другой, спасительной тишине: «Правда, грустное, глубоко затаенное чувство не покидало его никогда, и *затих* он не по летам, замкнулся в свой тесный кружок, прекратил все прежние сношения... Но исчезло *мертвенное* равнодушие, и среди *живых* он снова двигался и действовал, как *живой*» (курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 401].

И. А. Беляева, анализируя заключительные строки романов Тургенева, рассуждает и о романе «Дым», упоминает оценку «озлобленного ума» Ирины обществом, восходящую (как было еще ранее отмечено тургенедами) к пушкинскому образу из «Евгения Онегина». И. А. Беляева пишет, что эта пушкинская цитата «едва ли закольцовывает ситуацию и снимает противоречия, а, наоборот, она говорит читателю, что все на самом деле может быть не совсем так, как ему на первый взгляд кажется» [Беляева: 28]. По словам И. А. Беляевой, пушкинская фраза снимает с автора роль судьи, а читателю говорит о необходимости перепрочтения и истинного понимания многих загадок романа Тургенева.

Исследовательница точно констатирует, что «...тургеневские финалы едва ли упрощают или спрямляют жизненные противоречия, они,

скорее, фокусируют момент, где самой жизнью предполагается особая сложность» [Беляева: 25]. Непростым является и финал «Дыма». Мы узнаем, что муж Ирины, как и его друзья-генералы, занят своей карьерой. Но завершается роман собственно даже словами не об Ирине, а о Потугине: «И в том же городе, где проживает Ирина, проживает и наш приятель, Созонт Потугин: он редко с ней видится, и нет для нее особенной надобности поддерживать с ним связь... Та девочка, которую поручили его попечениям, недавно умерла» [Тургенев. Соч. 7: 407]. В финале романа вновь актуализируется указанная нами выше оппозиция. Смерть девочки может быть осмыслена по-разному. Прежде всего, она говорит о слабости и безжизненности самого Потугина, который, по сути дела, не смог уберечь вверенного ему ребенка. Однако из контекста романа выходит, что, помимо давней страсти Потугина, именно девочка связывала его с Ириной — со смертью девочки эта связь обрывается, читателю остается лишь предполагать, как поведет себя далее Потугин. Наконец, еще один смысл, о котором нельзя не оговориться: со смертью девочки отступает на второй план «мир интриг, тайных отношений, историй Бельских, Дольских...», который с отвращением вспоминает Литвинов перед отъездом из Баден-Бадена [Тургенев. Соч. 7: 391].

Е. И. Анненкова обратила внимание на фразу из романа, вызывающую наибольшее количество споров: «Литвинов возвращается в Россию, и всё, случившееся с ним и происходящее вокруг него, представляется ему дымом: "...И всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское"» [Анненкова: 26]. Е. И. Анненкова считает: несмотря на тот факт, что русское не должно сводиться к спорам славянофилов и западников, «общая направленность романа свидетельствует о том, что именно славянофильство (как в основополагающих его началах, так и в более поздних видоизменениях) является главным объектом отрицания» [Анненкова: 26].

Сложно не согласиться с исследовательницей, утверждающей полемическое расхождение Тургенева со славянофилами. Более того, и западнические монологи Потугина нужно воспринимать с учетом его приближенности к «мертвому обществу». Об этом мы оговоримся далее, но вышеприведенную фразу Литвинова обо всем людском и всем русском опять-таки стоит воспринимать не в контексте обществен-

но-политических взглядов, но с позиции оценки мира разочарованным человеком. Литвинов медленно возродится к жизни только на своей земле, а в момент произнесения этих слов он находится в странном состоянии: «*Темная бездна* внезапно обступила его со всех сторон...» (курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 391]. Положение героя рифмуется с состоянием повествователя в «Довольно», задающего вопросы, на которые нет ответа *приземленному* человеческому сознанию: «Как устоять против этих тяжелых, грубых, бесконечно и безудержно надвигающихся волн, как поверить, наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в *темноте*, на краю бездны, лепим из праха и на миг?» (курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 229].

Исследователи справедливо отмечают, что Литвинов не осуществляет в романе и соотой части тех хозяйственных планов, которыми он грезил. «Мелка и ничтожна хозяйственная деятельность главного героя Литвинова, посвятившего годы обучению наукам в Европе. <...> А ведь намерения его были грандиозные: принести пользу не только своим землям, но и “всему краю”, — отмечает Фунтусова [Фунтусова: 150]. Действительно, убогое первобытное хозяйство, которое ведет Литвинов в своем имении, «крошечная ферма с пятью вольнонаемными работниками» [Тургенев. Соч. 7: 401] слишком не похожи на планы героя, отправлявшегося учиться в Европу. С позиции хозяйственной Литвинов терпит крах, получается, что этот тургеневский герой-дворянин не выдерживает испытания — с этим сложно спорить. Однако в романе появляются реализации мотива упорного и постепенного труда: в представленных в произведении условиях гораздо важнее просто то, что Литвинов остается живым. Д. Н. Овсяннико-Куликовский чутко уловил, что Литвинов занимает в романе особенное положение, но он находится на фоне своего времени, между различных станов: «В “Дыме” выведены, с одной стороны, реакционеры и карьеристы, представители “правящих сфер”, с другой — радикалы, революционеры того времени, эмигранты, — и на этом фоне, между теми и другими, поставлен “герой” романа, Литвинов, равно чуждый, как среде реакционеров и карьеристов, так и эмигрантскому революционному кипению. Перед нами — любопытный тип, выступавший в начале 60-х годов: прогрессист, либерал, демократ, ищущий живого дела, полезного стране и народу, предтеча будущих идейных общественных деятелей» [Овсяннико-Куликовский].

Мы уже оговорились, что в романе «Дым» значительное место занимает семейная тема, с которой у Тургенева связывается идея прогресса русского общества: происхождение героя и его действия по созданию собственной семьи учитываются в художественном мире в его характеристике как гражданина, сохраняющего и приумножающего или растрачивающего изначально данное ему духовное и материальное наследство.

Как узнает читатель романа, Литвинов еще до отъезда за границу пристрастился к хозяйству, он отправился в Европу именно потому, что ощущал недостаточность знаний и умений. Более того, уезжающий Литвинов уже не похож на мальчика, он прошел определенную, пусть еще и небольшую школу жизни: пережил расставание с Ириной, был в ополчении в Крыму, служил по выборам и пр. К моменту встречи с Литвиновым читатель еще не видит реальных дел, совершенных им, однако автору важнее настрой героя. «Литвинов, по мысли писателя, возвышается над всеми остальными персонажами “Дыма” лишь тем, что он — практически действующая сила, “честный труженик” реформы», — отмечает А. Б. Муратов [Муратов: 44]. Конечно, уехавший из России еще в конце 1850-х гг. Литвинов только после возвращения домой становится «тружеником реформы». Но значима именно моральная готовность и способность Литвинова к труду.

И. А. Семухина, отмечая вслед за Ю. В. Манном характер диалогического конфликта в «Дыме», созданного «молчаливым отталкиванием и отклонением» Литвиновым «идей генералов, губаревцев и даже западника Потугина», считает, что «герой молчаливо отвергает не столько политические убеждения, сколько основную “идею” русского общества, пропитанного фальшью, притворством, ложью, и стремится сохранить свою “позицию” — открытость, правду, естественность чувств и поступков [Семухина: 29]. Несмотря на то, что в порыве страсти к Ирине в Баден-Бадене герой забывает и Татьяну, и свое желание возродить имение и хозяйство, Литвинов стоит за честную трудовую жизнь, которую и предлагает Ирине. Тургенев мастерски передает мечтания Ирины в Баден-Бадене: заполучив Литвинова, она мечтает оставить его при себе в качестве игрушки и распорядиться им по своему усмотрению. Примечателен диалог Литвинова и Ирины, в репликах которого каждый видит свое. Героиня задает несколько провокационный вопрос: не прискучит ли Литвинову ее любовь, если все его за-

нятия, как он написал в письме, теперь заслонены ею. Знаменателен ответ Литвинова: «Скука? Бездействие? При тех новых силах, которые мне даст твоя любовь? О, Ирина, поверь, в твоей любви для меня целый мир, и я сам еще не могу теперь предвидеть все, что может развиться из него!» [Тургенев. Соч. 7: 386], но еще более примечательна реакция героини: Ирина задумывается. Литвинов, нужный ей в качестве источника жизненных сил в атмосфере скуки генеральского дома и всей светской жизни, вдруг заявляет ей о деятельности, о стремлениях, развитии. Уже привыкшей к роскоши Ирине невыносима эта мысль Литвинова о труде и своем мире. Тургенев открывает читателю несуразность, ущербность этих отношений. Разумеется, это не любовь, поскольку отношения эти лишены понимания («Мы скоро вернемся в Петербург, приезжай туда, живи там, мы найдем тебе занятия, твои прошедшие труды не пропадут...» [Тургенев. Соч. 7: 390], — пишет Ирина Литвинову, даже не пытаясь задуматься над тем, к какой деятельности он готовился) и стремления преобразования («...Только люби меня, какова я есть, со всеми моими слабостями и пороками» [Тургенев. Соч. 7: 390]).

О. В. Евдокимова, сопоставляя два романа Тургенева, «Дворянское гнездо» — «самый русский, гармоничный, усадебный роман» и «Дым» — «роман “западный”, “ядовитый”, курортный», отмечает общее в коллизиях чувства и долга, в ситуации выбора героев: «Литвинов (“Дым”) как будто бы продолжает двигаться по тому пути, который с трудом прокладывал для себя Лаврецкий (“Дворянское гнездо”): учиться (теперь уже “в Европе”) хорошо «пахать землю» [Евдокимова: 42]. Сопоставляя персонажей и их пути, можно представить Литвинова как героя, которого жизнь сначала уберегла от брака с Ириной, а чуть позднее позволила ему вырваться из Баден-Бадена. Вспомним рассуждения Лаврецкого в «Дворянском гнезде», который сравнивает Лизу со своей женой и осознает свою ошибку: «Но Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный строгий, труд...» [Тургенев. Соч. 6: 93]. Писатель, приводящий своего нового героя Литвинова в Россию пореформенного времени после потрясений европейского существования, оставляет на его долю роль смиряющегося труженика. Однако Тургенев дает ему не остаточное, а настоящее счастье в виде понимающей истинные ценности Татьяны.

Как мы уже оговорились в начале статьи, подробно описанное в «Дыме» желание Ирины обладать Литвиновым как вещь, игрушкой могло быть творчески освоено Л. Н. Толстым и использовано при описании жизни Анны и Вронского в имении Воздвиженское в романе «Анна Каренина». Выходящий на первый план в пореформенное время вопрос активной деятельности героя, его участия в хозяйственной, общественной, политической жизни страны оказался в русском романе тесно связанным с семейной темой. Вслед за Тургеневым Толстой показал, что досадная ошибка в личной жизни, любая искусственность отражаются на состоянии героев и их возможности роста. Вронский у Толстого постепенно дорастает в романе до мысли семейной, если не до помещика, то до роли думающего землевладельца: «Я нашел это занятие, и горжусь этим занятием, и считаю его более благородным, чем занятия моих бывших товарищей при дворе и по службе», — говорит Вронский [Толстой 19: 202]. Герой жаждет новой деятельности, он рассказывает Долли о желании иметь семью, однако Анна теперь полностью равнодушна к роли матери и хозяйки. Конечно, душевная глубина, отзывчивость Анны очень отличают ее от кокетки Ирины, однако Каренина всеми силами старается искусственно ограничить жизнь Вронского, удержать его: «Надо, чтоб у нас было оживленно и весело и чтоб Алексей не желал ничего нового» [Толстой 19: 196].

В разговоре Потугин говорит Литвинову значимую фразу, которая в контексте всей беседы должна быть отнесена к Ирине: «Характер людской разве меняется? Каким в колыбельку, таким и в могилку» [Тургенев. Соч. 7: 331]. Как и все высказывания Потугина, эту фразу нужно понимать с учетом ситуации и позиции пристрастного говорящего: Потугин описывает не столько характер, сколько неизменную систему убеждений Ирины, согласно которой она выбрала не Литвинова в Москве, не смогла сбежать с ним из Баден-Бадена. Тургенев демонстрирует, что Ирина не испытывает сильных чувств к Ратмирову — она смеется над ним, отсутствие детей также было фактором, позволявшим Ирине бросить свой привычный круг. Нельзя не обратить внимание и на происхождение Ирины, тем более, что отец ее очень гордился своим родом, а партию Литвинова считал не совсем удачной: «Мадам Литвинова — и только? Я ожидал другого» [Тургенев. Соч. 7: 284]. Тургенев мастерски демонстрирует, что люди мельчают и тускнеют не только в пореформенное время: процесс деградации и омертвления необратим

при отсутствии душевного роста и реального труда. Сущность героини Тургенева и даже ее «озлобленный ум», упомянутый в финале романа, вполне прогнозируемы еще в самом начале; знаковые выводы можно сделать, анализируя предысторию героини и жизнь ее родителей: «Сам князь был человек вялый и глуповатый, некогда красавец и франт, но совершенно опустившийся... Супруга его была женщина больная и озлобленная, постоянно озабоченная хозяйственными дрязгами» (курсив мой — В. А.) [Тургенев. Соч. 7: 280].

Одной из самых противоречивых фигур романа является Созонт Потугин. Все: и портрет, и поведение, и судьба этого человека вызывают у читателя жалость и уныние. Несмотря на тот факт, что часть своих собственных мыслей о порядке жизни в России и Европе, об общественной организации, о прогрессе и цивилизации Тургенев отдал Потугину, последний слишком увлекается отрицанием русского. Однако писатель не устает в начале каждого монолога и на протяжении цепочки высказываний Потугина демонстрировать его субъективность, впадение в крайности, наконец, в объяснении с Литвиновым Потугин называет себя человеком «разбитым, разрушенным», что окончательно проясняет нам невозможность персонажа быть объективным.

Очень интересна характеристика Потугина, данная Ратмировым. Сравнивая Литвинова и Потугина, генерал упоминает о безмолвии: «Он, я полагаю, республиканец, вроде другого вашего приятеля господина Потугина; вот тоже умник из числа безмолвных» [Тургенев. Соч. 7: 340]. Слыша такое описание, читатель романа поражается: Потугина мы видим постоянно внушающим Литвинову определенные убеждения, но, как оказывается, за рассуждениями о России и Европе, за обвинением в ущербности всего русского скрывается слабость самого Потугина, который, по мере истощения обвинений и разговоров превращается в объект сострадания: «Жалко стало Литвинову этого бедного, желчного чудака» [Тургенев. Соч. 7: 332].

В комментариях к роману «Дым» подчеркивается, что Тургенев черпал материал для высказываний Потугина из речей В. Г. Белинского, а в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев фактически повторил многие свои описания Потугина применительно к фигуре критика [Тургенев. Соч. 7: 530–531]. Разумеется, нетерпимость Потугина к русскому, начиная от государственных учреждений и заканчивая творчеством — народным и современным ему, во многом выглядит как критика взгля-

дов славянофилов, однако, как справедливо заметила Е. И. Анненкова, «...тургеневская рецепция славянофильских идей изначально предполагала сознательное их упрощение. “Русское” в славянофильском варианте подается Тургеневым в том виде, как оно вошло в массовое сознание, не искушенное знанием славянофильских трудов» [Анненкова: 27–28].

Наделяя Потугина резким отношением к славянофилам, Тургенев, скорее всего, реализует в этой характеристике героя крайности позиции Белинского. «Как во всех людях с пылкой душою, во всех энтузиастах, в Белинском была большая доля нетерпимости. Он не признавал, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнениях противника и отворачивался от них с тем же негодованием, с которым покидал собственные мнения, когда находил их ошибочными. <...> К одной лишь московской партии, к славянофилам, он всю жизнь относился враждебно: очень они уже шли вразрез всему тому, что он любил и во что он верил», — писал Тургенев в «Воспоминаниях о Белинском» [Тургенев. Соч. 11: 47].

Между тем, при анализе образа Потугина стоит обратить внимание, во-первых, на тот факт, что этот герой сильно изменился от замысла писателя к его реализации. «К написанию романа Тургенев приступил только в ноябре 1865 г., а закончил его в январе 1867 г., поэтому многое из задуманного претерпело изменения. И, сравнивая замысел с его воплощением, приходится констатировать, что Потугин не получил в романе “главной” роли. Этого персонажа слишком заслоняет любовная история, связывающая Литвинова, Ирину и Татьяну (описанная самым подробным образом). А роль Потугина в романе — эпизодическая и резонерская», — замечает В. И. Щербаков [Щербаков: 212–213]. Во-вторых, многие резкие высказывания Потугина, имеющие яркий антинациональный характер, в художественном мире романа получают свое развенчание. Как уже неоднократно отмечали критики и литературоведы, на первое место в воззрениях Потугина выдвигается понятие цивилизации. «...Его “цивилизация” есть именно цивилизация западно-европейская, а не какая-либо иная, и не только в виде созданных Западною Европою учреждений и порядков, а также (и, кажется, в особенности) в смысле той выучки, дисциплины нравов и культуры мысли, которыми, по его мнению, так выгодно отличаются от нас западно-европейские народы», — писал Д. Н. Овсяннико-Куликовский [Овсяннико-Куликовский]. Однако помимо действительного восхище-

ния самого Тургенева европейской образованностью и правильностью рассуждений, упорядоченностью жизни, отразившейся в монологах Потугина, писатель все-таки значительно снижает пафос речей персонажа. Обратим внимание, что у Потугина в романе есть своеобразный двойник, это Ворошилов. Сам Потугин, описывая всех членов кружка Губарева и стараясь отметить их положительные черты, говорит про Ворошилова следующее: «... и г-н Ворошилов тоже добрейший; он, как все люди его школы, люди золотой доски, точно на ординарцы приставлены к науке, к цивилизации, и даже молчит фразисто, но он еще так молод!» [Тургенев. Соч. 7: 269]. В сцене, где Литвинов прячется от проходящих мимо соотечественников, надоевших ему своими разговорами, Тургенев отмечает «кадетски-самодовольный голос» Ворошилова [Тургенев. Соч. 7: 295], а первый монолог Потугина сопровождается следующим комментарием: «Потугин точно и любил и умел говорить; но как человек, из которого жизнь уже успела повытравить самолюбие, он с философическим спокойствием ждал случая, встречи по сердцу» [Тургенев. Соч. 7: 270]. Остается только вспомнить речь Ворошилова, произнесенную во время обеда у Вебера, свидетелем которой становится Литвинов, чтобы подытожить сходство Потугина и Ворошилова. Как Ворошилов презирает «всякое старье» и оперирует в своих беседах исключительно новыми фактами и названиями, так и Потугин пренебрегает русским, ориентируясь исключительно на Запад.

Таким образом, можно утверждать, что общественно-политическая оценка героев «Дыма» и их убеждений является лишь частью широкого замысла автора романа, содержащего размышления о путях цивилизационного развития России; злободневная проблематика отступает перед более глубокими вопросами. Западнические взгляды Потугина, который изначально планировался Тургеневым как центральный герой, в ходе работы над романом отошли на второй план. В окончательном тексте отрицаемые позиции славянофилов максимально упрощены, многие западнические категоричные мнения подвержены не возражениям и оговоркам, но образным противопоставлениям. При внимательном прочтении произведения выявляется важнейшая роль семейной темы и модели правильного пути героя-деятеля, которые напрямую соотносятся с идеей общественного прогресса. «Дым» как общественный роман гармонично вписывается в контекст позднего

творчества Тургенева, подготавливая картину народнического движения, которая появится в эпическом романе «Новь», а также линию совмещения общего (всенародного) и личного. В «Дыме» на примере великосветского общества и единственного создающего героя — Литвинова — автор опробует универсальную мерку — способность к честному труду, с этой меркой позднее, в романе «Новь», будут оцениваться и дворяне, и народные герои, и все замыслы новых деятелей 1870-х гг.

Список литературы

Андреева В. Г. «Дым» И. С. Тургенева и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. № 3. С. 116–120.

Анненкова Е. И. Роман «Дым»: полемика Тургенева с текущим или ушедшим днем славянофильства? // Спасский вестник. 2013. № 21. С. 26–34.

Бельская А. А. Трансформация мифа об Амуре и Психее в романе И. С. Тургенева «Дым» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №2(58). С. 172–179.

Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. 2018. №3(53). С. 25–32.

Евдокимова О. В. Эволюция романа-испытания в творчестве И. С. Тургенева («Дворянское гнездо» — «Дым») // Спасский вестник. 2013. №21. С. 42–47.

Лебедев Ю. В. Вехи жизни и творчества И. С. Тургенева. Кострома: КГУ, 2018. 212 с.

Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Ленинград: ЛГУ, 1975. 152 с.

Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей». Л.: ЛГУ, 1972. 144 с.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Дух времени и направления 60-х годов. — «Дым» Тургенева // История русской интеллигенции. Ч. II. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1911_iz_istorii2.shtml (дата обращения: 21.08.2020)

Пумпянский Л. В. «Дым» (Историко-литературный очерк) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 464–481.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. 498 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. 560 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1983. 528 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1978. 614 с.

Семухина И. А. «...Словно в рулетку проигрался»: мотивно-тематический комплекс азартной игры в романе И.С. Тургенева «Дым» // Филологический класс. 2018. №1(51). С. 25–32.

Фунтусова В. С. Влияние на русскую интеллигенцию западно-европейской мысли в романе И. С. Тургенева «Дым» // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 149–151.

Щербаков В. И. Проблема героя времени в диалоге Тургенева и Писарева // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 2. С. 202–219. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-202-219.

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York: Oxford University Press, 2018. 960 p.

References

Andreeva V. G. “Dym” I. S. Turgeneva i “Anna Karenina” L. N. Tolstogo [“Smoke” by Ivan Turgenev and “Anna Karenina” by Leo Tolstoy]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma state university], 2010, № 3, pp. 116–120. (In Russ.)

Annenkova E. I. Roman “Dym”: polemika Turgeneva s tekushchim ili ushedshim dnev slavianofilstva? [The novel “Smoke”: Turgenev’s polemic with the current or bygone day of Slavophilism?]. *Spasskii vestnik* [Spassky Bulletin], 2013, № 21, pp. 26–34. (In Russ.)

Bel’skaia A. A. Transformatsiia mifa ob Amure i Psikhee v romane I. S. Turgeneva “Dym” [Transformation of the myth about Cupid and Psyche in the novel by I. S. Turgenev “Smoke”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Oryol State University], 2014, № 2(58), pp. 172–179. (In Russ.)

Beliaeva I. A. “Pomni moi poslednie tri slova”: k voprosu o strukture finalov v romanakh Turgeneva [“Remember my last three words”: on the question of the structure of finals in Turgenev’s novels]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2018, № 3(53), pp. 25–32. (In Russ.)

Evdokimova O. V. Evoliutsiia romana-ispytaniia v tvorchestve I. S. Turgeneva (“Dvorianskoe gnezdo” — “Dym”) [Evolution of the test novel in the works of I. S. Turgenev (“Noble nest” — “Smoke”). *Spasskii vestnik* [Spassky Vestnik], 2013, № 21, pp. 42–47. (In Russ.)

Lebedev Iu. V. Vekhi zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva [Milestones in the life and work of I. S. Turgenev]. Kostroma, KSU Publ., 2018, 212 p. (In Russ.)

Markovich V. M. Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva [Man in the novels of I. S. Turgenev]. Leningrad, LGU Publ., 1975, 152 p. (In Russ.)

Muratov A. B. I. S. Turgenev posle “Ottsov i detei” [Turgenev after “Fathers and Children”]. Leningrad, LSU Publ., 1972, 144 p. (In Russ.)

Ovsianiko-Kulikovskii D. N. Dukh vremeni i napravleniia 60-kh godov. — “Dym” Turgeneva [The spirit of time and direction of the 60s. — “Smoke” Turgenev]. *Istoriia russkoi intelligentsii. Ch. II* [History of the Russian intelligentsia. Part II.]. URL: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1911_iz_istorii2.shtml (access date: 21.08.2020) (In Russ.)

Pumpianskii L. V. “Dym” (Istoriko-literaturnyi ocherk) [“Smoke” (Historical and literary sketch)]. Pumpianskii L. V. *Klassicheskaia traditsiia* [Classical tradition]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, pp. 464–481. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniia v 12 t. T. 6* [Complete collection of works and letters in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 6.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 498 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniia v 12 t. T. 7* [Complete collection of works and letters in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 7.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 560 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniia v 12 t. T. 11* [Complete collection of works and letters in 30 vols. Works in 12 vols. Vol. 11.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 528 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Pis'ma v 18 t. T. 11 [Complete collection of works and letters in 30 vols. Letters in 18 vols. Vol. 11.]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 614 p. (In Russ.)

Semukhina I. A. "...Slovno v ruletku proigralsia": *motivno-tematicheskii kompleks azartnoi igry v romane I. S. Turgeneva "Dym"* ["...As if I lost my game at roulette": a motive-thematic complex of a gambling game in the novel by I. Turgenev "Smoke"]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2018, № 1(51), pp. 25–32. (In Russ.)

Funtusova V. S. *Vliianie na russkuiu intelligentsiiu zapadno-evropeiskoi mysli v romane I. S. Turgeneva "Dym"* [Influence on the Russian intelligentsia of Western European thought in I. S. Turgenev's novel "Smoke"]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia* [International Journal of Experimental Education]. 2011, № 8, pp. 149–151. (In Russ.)

Shcherbakov V. I. *Problema geroia vremeni v dialoge Turgeneva i Pisareva* [The problem of the hero of his time in the dialogue between Turgenev and Pisarev]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, № 2, pp. 202–219. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-202-219. (In Russ.)

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. *A History of Russian Literature*. New York: Oxford University Press, 2018. 960 p. (In English)